

Арест Аркадия Животко большевиками в 1918 году в его воспоминаниях

АРКАДИЙ ЖИВОТКО, ПРЕДИСЛОВИЕ ВЯЧЕСЛАВА
ЛАНДАКОВА

Предисловие

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕАЛИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ на рубеже XIX–XX веков были таковы, что Слобожанщина уже давно утратила свою автономию, а часть ее территории оказалась включена в состав соседних губерний. Территория Острогожчины была почти полностью передана в Воронежскую губернию, где длительное отрицание украинской идентичности слобожан сформировало особую региональную ситуацию, в украинской традиции обозначаемую как Подонье.

Несмотря на свое особое положение, Подонье сохраняло живую украинскую культурную традицию, проявлявшуюся в общественной, научной и творческой деятельности его уроженцев.

Одним из представителей этой культурной среды начала XX века был Аркадий Животко, уроженец слободы Пухово Острогожского уезда. Соединив в себе слобожанскую

традицию и классическое образование, он сделал изучение и осмысление истории своего края центральным делом своей научной и общественной деятельности.

Существенное влияние на формирование взглядов Животко оказал общий интеллектуальный кризис позднеимперской эпохи, осмыслявшийся современниками как утрата государством способности выражать культурную и историческую специфику регионов. В русской и украинской мысли этого времени — у Л. Н. Толстого, М. П. Драгоманова, И. Я. Франко — империя все чаще рассматривалась как форма власти, сохраняющая административную целостность, но утрачивающую связь с живыми культурными реалиями^{1 2 3}.

Воспитанный в украинской культурной среде Подонья, Животко получил общее образование в воронежской гимназии. Уже в юности проявился его интерес к общественно-политической деятельности: связь с партией эсеров привела к его временному отчислению из гимназии⁴.

Продолжив образование в столичном университете, он становится частью студенческого украинского национального движения, развитие которого позднее на родной Острогожчине стало для него делом всей жизни.

Революционные события 1917 года и последующий распад империи открыли для Животко возможность активного участия в украинском общественном и культурном движении. В этот период он был вовлечен в работу украинских образовательных и государственных инициатив, связанных с процессом национального самоопределения.

После революции 1917 года и временного прекращения преследования украинского национального движения, Животко более открыто ведет общественную и политическую деятельность. Он становится одной из ключевых фигур украинской жизни Подонья и представляет этот край в Центральной Украинской Раде, выражая политическую волю местно-

¹ Толстой, Л. Н. (1952). Рабство нашего времени. В *Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах* (Т. 34). Государственное издательство «Художественная литература». (Оригинальный текст опубликован в 1900).

² Драгоманов, М. П. (1915). *Чудацькі думки про українську національну справу* (Партія Українських Соціалістів-Революціонерів). Наклад і друк партійної друкарні.

³ Франко, І. (1917). Що таке поступ? Накладом Української Книгарні. <https://diasporiana.org.ua/ideologiya/12272-franko-i-shho-take-postup/>

⁴ Животко Аркадій Петрович. (2021, ноябрь 9). Воронежская энциклопедия. <https://vrnency.ru/vol-2/ve-2-zh/b-00060-zh>

го населения, которое стремилось к воссоединению с Украиной⁵.

В 1917–1918 годах Животко участвует в украинском государственном строительстве в Киеве, посещает Воронеж и Острогожск. Однако поражение Украинской революции, крах Украинской Народной Республики и установление советской власти сделали дальнейшую деятельность на родине невозможной. После наступления большевиков в начале 1919 года, он был вынужден покинуть территорию УНР⁶.

С начала 1920-х годов Животко находился в эмиграции. Проживая на Волыни и в Кременце, находившихся под контролем Польши, он занимается публицистической и педагогической деятельностью и становится заметным деятелем украинской эмиграции⁷.

В поисках более устойчивой украинской интеллектуальной среды, в 1923 году Животко переезжает в Прагу — столицу Чехословакии, где проводилась политика поддержки украинской эмиграции и сформировался так называемый Пражский украинский центр⁸.

Значительная часть его жизни и научной работы прошла именно в Праге — одном из главных центров украинской интеллектуальной эмиграции межвоенного времени. Здесь Животко преподает в Украинском высшем педагогическом институте имени Драгоманова, занимается историческими исследованиями, архивной и издательской работой и входит в Украинский исторический кабинет⁹. Его активность в сохранении и осмыслении украинского исторического опыта приобретает огромное значение на фоне его вытеснения и искажения в советском каноне.

Во время нацистской оккупации Чехословакии Животко продолжал работать как сотрудник, а затем и как один из руководящих работников Украинского исторического кабинета, включенного в структуру архивов протектората.

В апреле 1945 года, с приближением Красной армии и перед лицом угрозы репрессий как эмигрант УНРовского круга, он был вынужден эвакуироваться из Праги.

После эвакуации, Животко оказался среди украинских перемещенных лиц в Германии, в американской зоне окку-

⁵ Голобуцкий, П. В. (2005). Животко Аркадій Петрович. В В. А. Смолій (Ред.), *Енциклопедія історії України* (НАН України, Інститут історії України, Вип. 3). Видавництво «Наукова думка».

⁶ Ор. cit. (2021, ноябрь 9). *Воронежская энциклопедия*.

⁷ Голобуцкий, П. В. (2005). Ор. cit. *Енциклопедія історії України* (Т. 3).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

пации, в Асхаффенбурге, где получил статус перемещенного лица. Здесь оккупационная администрация разрешила ему продолжать его деятельность, и он стал одним из руководителей архивно-музейной работы украинской эмиграции, занимаясь сохранением украинских архивов в тяжелых условиях послевоенных лагерей перемещенных лиц¹⁰.

Именно здесь, в Асхаффенбурге, 12 июня 1948 года Аркадий Животко преждевременно умер, так и не вернувшись на родину¹¹. Его жизненный путь — от слобожанской глубинки через имперский образовательный центр к европейской эмиграции — отражает судьбу целого поколения украинских интеллектуалов, оказавшихся между крахом империй и несостоявшейся национальной государственностью.

Труды Аркадия Животко сохраняют особую ценность как свидетельство украинской интеллектуальной традиции Подонья и эмиграции, а также как попытка восстановления исторической непрерывности слобожанской украинской культуры, прерванной насилием, цензурой и изгнанием.

Печатаемый здесь отрывок из дневника Аркадия Животко об аресте в январе 1918 года был впервые опубликован в 1923 году в Праге, уже после его вынужденного отъезда из Подонья и вскоре — из страны, оказавшейся под контролем большевиков¹². К этому времени исход украинской революции был уже ясен: независимые политические и культурные структуры ликвидированы, украинское движение подавлено, а его активные участники либо уничтожены, либо вытеснены в эмиграцию.

Дыша украинской мечтой, Животко улавливает разлитую в воздухе отраву лжи и насилия новой власти и прощается с родным Подоньем навсегда.

¹⁰ Тимошик, М. С. (2002). Аркадій Животко та його роль у ствердженні українського журналістознавства в діаспорі. *Українське журналістознавство: зб. наук. статей*, 3, 56–61.

¹¹ Голобуцький, П. В. (2005). Ор. cit. *Енциклопедія історії України* (Т. 3).

¹² Животко, А. (1923). *З мого щоденника. Вільна спілка: Неперіодичний орган літератури, науки та громадського життя*, Ч. 2, 14–22.

І. Аркадій Животко. «Из моего дневника»: перевод на русский язык с примечаниями

ВЫЛ январь 1918 года. Памятный январь. На Воронежчине только что установилась советская власть. Просветительский кружок украинской молодежи села Р.* Острогжского уезда пригласил меня прочитать доклад на Шевченковском вечере. Я только что в тот день вернулся домой из поездки по уезду. Получив телеграмму, должен был выехать через несколько часов, чтобы заранее увидеться с членами кружка и сориентироваться в том селе, в тех уже неопределенных в то время настроениях, которые местами начали принимать конкретные выступления против украинского движения. Сказал об отъезде своим, старым физически, но молодым в те дни духом и верой и любовью к возрождению Украины, родителям.

Предчувствие чего-то недоброго охватило всех нас в тот день.

Чувствовалась какая-то настороженность.

Промелькнула грусть.

После обеда ко мне пришли кружковцы нашего села — члены Совета местной «Просвиты» и комитета Селосоюза — Павел, Илько и Свирид¹³.

Болтали, обменивались впечатлениями от последнего крестьянского съезда, который несколько дней как закончился и на котором так блистательно провалились представители большевиков и советской власти на Острогжчине, во главе с довольно грязным и ненадежным человеком — Рыжковым¹⁴. Вспоминались их выступления и картина, когда они должны были покинуть съезд.

* Село Россошь Острогжского уезда (сегодня — город Россошь Воронежской области).

¹³ Аркадий Животко был одним из создателей отделения Общества «Просвіта» (рус. «Просвещение») в сл. Пуховой Острогжского уезда. Общество «Просвіта» — организация возрождения и поддержки украинской культуры. Подробнее об украинском национально-освободительном движении в Острогжском уезде См.: Животко, А. (1942). *Острогжчина: Осередок Подоння*. Видавництво «Колос». А ТАКЖЕ: Животко, А. (1943). *Подонь: Українська Вороніжчина в культурному житті України*. Видавництво Юрія Тищенка. — Примеч. ред.

¹⁴ По состоянию на 1917 г. Рыжков упоминается среди членов Острогжского уисполкома и ревкома. См.: Обращение Острогжского временного революционного комитета к гражданам и солдатам с призывом твердо стоять на страже завоеваний революции. 30 августа 1917 г. (1957). В *Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг. (Сборник документов и материалов)* (с. 137). Воронежское книжное издательство. — Примеч. ред.

Советовались о распространении просветительской работы, об открытии таких просветительских кружков в тех ближних селах, где их еще не было, о съеме большего помещения для читальни-библиотеки, о распространении кооператива и т.д. Чем дальше, тем больше я чувствовал и видел из той информации, которую имел от своих товарищей, что просветительская работа и интерес к ней охватывали все более широкие круги крестьянства. Казалось, силы росли.

Заговорив о моей поездке в Р., помню, Павел выразил мне свои опасения в связи с моими последними выступлениями, как в Острогжске, так и в некоторых соседних селах... Не советовал ехать. То недоброе настроение передалось всем присутствующим.

Но там меня ждали мои друзья по работе, мои товарищи. Я должен был ехать. Я верил и надеялся, что через день, через два я смогу вернуться снова домой и тогда уже больше времени уделить работе в своем селе. На том, в конце концов, и порешили.

Когда же прощался с товарищами-крестьянами, то как-то невольно у меня вырвалась просьба, чтобы, если бы что и случилось недоброго, помнили своего друга (так они меня все время называли), а также, чтобы не забывали в дни печали моих старых родителей — навещали их¹⁵.

Попрощались.

Перед отъездом, по результатам разговоров того вечера, я оставил письмо ко всем односельчанам, которое написал еще до крестьянского съезда, но в распространении которого тогда не было необходимости, потому что я был на съезде лично. В этом письме я старался подробно объяснить ту грязь, тот обман и демагогию, которыми уже нагло начали оперировать так называемые руководители судьбы нашего крестьянина и рабочего. В этом письме я подробно остановился на характеристике украинского движения вообще и на Воронежчине в частности, на тернистом пути этого движения, остановился на значении для нас Центральной Рады и на ее задачах, а также из кого и как она состоит, далее охарактеризовал таких лиц, как М. С. Грушевский, В. К. Вин-

¹⁵ В начале 1919 года, уже в Каменце-Подольском, случайно пришло мне дорогое письмо от родителей. Это было уже последнее известие. Из письма я узнал, что мои друзья и товарищи-крестьяне всей общиной действительно не забывали моих старых родителей, во всем стараюсь защитить и помочь им в час печали. Такое сердечное и чуткое отношение было не только со стороны односельчан, но и от соседних сел, что вызвало в душе отца, который писал мне, чувство глубокой благодарности к ним и веру в лучшее будущее, которую он, старик, передал и мне. — Примеч. авт.

ниченко и других выдающихся членов нашего парламента и правительства^{16 17 18}.

На вокзал меня провожал отец и, как всегда, прощаясь, благословил, прося не задерживаться долго и приехать домой хотя бы на несколько дней.

— Ведь сейчас праздники (это были рождественские праздники), — добавил он, когда я уже залезал в товарный вагон, полный разного люда.

Это было мое последнее свидание и последнее прощание с моими родителями; с теми, кто научил меня любить то, что дорого для меня и по сей день.

В селе Р. меня поразил тот пьяный хаос, который там царил, и который я почувствовал еще на вокзале.

Был уже вечер. Я нанял извозчика, последнего, который еще оставался. Подошел какой-то сударь и, почему-то пытаюсь говорить по-украински, попросил его подвезти. Я, правду говоря, хотел избежать этого, но он, не дожидаясь моего ответа, уже устроился рядом со мной, говоря извозчику ехать. Что же делать? Пришлось согласиться. По дороге мой сосед очень интересовался жизнью нашего города, пытался расспрашивать; спрашивал, по каким делам я приехал в Р. и т. д. У меня же не было никакого желания разговаривать, и я либо просто молчал, делая вид, что не слышу, так как устал, либо отвечал очень кратко. Он мне не понравился. Что-то слишком развязное и настойчивое было в его поведении. А еще речь. Я же видел его впервые. Почему он

¹⁶ Впоследствии, уже также в Каменце, я случайно встретил одного беглеца, который, между прочим, рассказывал мне о том, что это письмо долго циркулировало по деревням моей волости. — Примеч. авт.

¹⁷ Украинская Центральная Рада (УЦР) — общественно-полит. организация, созданная в марте 1917 г. в Киеве, ставшая руководящим органом укр. нац.-освобод. движения и высшим законодательным органом УНР, провозглашенной в ноябре 1917 г. III Универсалом. Существовала с марта 1917 г. по апрель 1918 г., приняла ключевые универсалы, Конституцию УНР, законы, герб, гимн, но была распущена после переворота П. Скоропадского. См.: Верстюк, В. Ф. (2019). Українська Центральна Рада. В. А. Смолій та ін. (Редкол.). В *Енциклопедія історії України: Україна—Українці* (Кн. 2). НАН України. Інститут історії України. http://www.history.org.ua/?termin=Ukrainska_Tsentralna — Примеч. ред.

¹⁸ Винниченко Владимир Кириллович (род. 1880 – † 1951) — украинский прозаик, драматург, политический деятель, игравший ключевую роль в Центральной Раде. После Февральской революции 1917 г. стал заместителем председателя УЦР, а затем возглавил Генеральный Секретариат, выступая за политическую самостоятельность Украины, провозглашенную IV Универсалом. В 1918 г. руководил Директорией, организовав восстание против гетмана Скоропадского. См.: Панченко, В. Є. (2005). Винниченко Володимир Кирилович. В *ЕСУ* (Т. 4). <https://esu.com.ua/article-34033> — Примеч. ред.

так старался с первого же слова говорить по-украински, что получалось как-то нехорошо.

Так въехали в село. Я сказал извозчику остановиться на одной из улиц у рынка и пошел пешком, не обращая внимания на «товарища» по путешествию.

В селе еще продолжалась пьяная вакханалия дня из-за разгромленного винного склада. Было еще не очень поздно, и я решил сразу же навестить своих друзей. Зайдя к одной из девушек из кружка, я узнал, что меня ждут и что некоторые уже собрались.

Мы пошли вместе в кружок.

Мрачное настроение я застал среди молодежи кружка. После обсуждения ситуации выяснилось, что если завтра будет то же самое, что и сегодня, а судя по всему, так и будет, то назначенный вечер, безусловно, не состоится. Некоторые еще спорили и доказывали, что организация таких вечеров и выставок может помочь отвлечь внимание от винного склада, но это были лишь единичные и совершенно неубедительные доводы.

Согласились вечер отменить, а день использовать для организационных дел кружка. Кроме того, я надеялся в этот день провести совещание с кем-то из местных крестьян, близких мне, с которыми я все время поддерживал связь.

На этом и разошлись, договорившись сообщить тем, кого не было в этот вечер, собраться на следующий день после обеда, с тем расчетом, чтобы вечером я смог уехать.

Уже около полуночи я пошел в так называемый отель, в котором обычно останавливался, когда приезжал в Р., и в котором было две маленькие комнатки (два «номера», как говорила, гордясь, хозяйка).

Уставший за последние дни, не спавший предыдущей ночью, так как был в пути, я сразу же лег и крепко заснул.

Проснулся утром от тревожного стука в дверь и разгрома за ней. Узнал голос хозяйки и девушки из кружка, к которой я заходил вчера. Впустив в комнату девушку, которая была ужасно встревожена и волновалась, я узнал, что в течение уже некоторого времени сегодня разные личности неопределенного вида (думали, что их со стороны привлек запах спирта) расспрашивают обо мне и угрожают. Спрашивали и у ее родственников, и у нее самой. Посоветовавшись с кем-то из своих, она прибежала предупредить меня и сказать, что не стоит собираться сегодня, как решили. Я полностью согласился.

— А вам, — добавила она, — лучше не выходить до вечера отсюда. Так все говорят. Я буду как-то информировать вас обо всем, а вечером можно будет незаметно пройти.

Вот так! Добровольный арест, значит. Хорошее дело! Нет, если уж так, то лучше сразу как-нибудь выбраться на вокзал, а по дороге, возможно, еще и навестить кого-нибудь. У меня были дела, и хотелось переговорить с кем-нибудь из членов уездного крестьянского совета, которые в тот день были дома. Так я и сказал ей. Передав некоторые соображения кружку молодежи и попрощавшись с подругой, о которой и сейчас сердечно и тепло вспоминаю, я вышел из «отеля». Переходя через площадь, вдруг оказался среди каких-то двух сударей. Один из них, указывая на меня, спросил кого-то из группы, стоявшей в стороне:

— Это он?

Из группы вышел один в тулупе и, улыбаясь, кивнул головой. Я взглянул на это лицо: знакомое, но сразу не мог вспомнить, где мы встречались. Вспомнил уже позже. Вспомнил, как этот дядька некоторое время назад в солдатской шинели в Острогжске грозился мне кулаками и орал: «Мы тебе покажем Центральную Раду! Всякие там буржуи выдумали какую-то Украину, и он туда же!» Сударь, который спросил, взял меня за руку и потянул. Я запротестовал, освобождая руку.

— Не разговаривай! — но руку отпустил. Я спросил, что это значит. Более мягко ответил на это второй:

— Приказано проверить Ваши документы.

Меня повели к комиссару, как называли его мои «охранники». Маленькая комнатка. За столом такая же маленькая, незаметная фигура комиссара. На столе револьвер.

— Для чего? — промелькнуло у меня в голове.

— Это кто? — спросила фигура из-за стола.

— Арестовали на базаре, — ответил первый.

— Покажите Ваши документы, — обратился комиссар уже ко мне. Достая единственный документ, который был при мне (кроме украинских удостоверений и членского билета Ц. Р.) — «Удостоверение П.-Н. Института», адресованное на представление военному начальнику в начале 1917 года¹⁹. Показываю. Долго вертит и рассматривает этот документ. Наибольшее его внимание привлекла печать — старорежимная.

¹⁹ В 1917 г. Аркадий Животко окончил Психоневрологический институт в Петрограде. См.: Тимошик, М. С. (2009). Животко Аркадий Петрович. В ЕСУ (Т. 9). <https://esu.com.ua/article-19111> — Примеч. ред.

— Что это Вы мне показываете? Разве это документ? Я спрашиваю Вас, есть ли у Вас наш документ? — вспылила фигурка за столом.

— Нет, не имею.

— Не имею, — передразнил он.

— А как следует говорить не можете²⁰?

— Я отвечаю так, как могу.

— Не лгите! А на каком же Вас учили?

— Я отвечаю Вам так, как умею, — повторяю.

— Ну, мы с Вами поговорим по-другому. Сразу научитесь. Выскочит хохлацкая дурь. Уведите его пока что! — обратился он с последними словами к первому «блостителю пролетарского порядка».

Оказался в каком-то «хлеву». Холод ужасный. Грязь. Пола нет. Сесть не на что. Одно маленькое окошко без стекол. Дверь заперли на засов, и кто-то еще встал возле нее, наверное, какой-то часовой.

Осматривая свой новый «номер», думал, не стоит ли покинуть его каким-нибудь способом, но, поразмыслив, решил, что, вероятно, все это какое-то недоразумение, и меня отпустят, а попытка бежать может навредить. Лучше подождать. Не впервые. А может, и не в последний раз. Нужно закалять себя. Такие мысли бродили в голове. Было очень холодно. Чтобы хоть немного согреться, я ходил из угла в угол, делал разного рода гимнастические упражнения и даже начал танцевать. Во время использования такого «свободного» времени дверь открылась, и в «хлев» ввели какого-то мужчину. Он казался хорошо выпившим. Сразу начал мне жаловаться на «порядки», ругать их и, наконец, перешел к «критике» новой власти. Я держался настороженно. Главное, от этого пьяного не было слышно специфического алкогольного запаха. Да и речь казалась подозрительно украинской. Я полностью занялся согреванием себя. От холода начало ужасно ломить ноги... Было холодно, больно. Мне была безразлична болтовня моего «товарища», и я почти не поддерживал его попытки завязать разговор. Через некоторое время дверь снова открылась, и его куда-то увели. Только к вечеру пришли за мной. Привели снова в ту же комнату комиссара.

— Ну, г-н Украинец, как Вы провели время? — встретила меня фигурка за столом. Молчу.

— Что же, будет сегодня вечер, того, как его, вашего Шевченко? Вы же приехали сюда свои речи распускать?

²⁰ Этот сударь все время говорил на очень плохой мешанине из украинского и московского языков, стараясь как можно лучше говорить по-московски, что иногда приводило просто к курьезам. — Примеч. авт.

Молчу.

— С Вами говорят, прошу отвечать! — раздраженно воскликнул комиссар.

— Я приехал по своим делам.

— Какие же это Ваши дела? — ухмыляясь, язвительно спросил он.

— Хотелось купить себе кое-что из одежды. Но когда вышел на рынок, меня там арестовали, вероятно, по недоразумению. Что же до того, кто я, то Вы можете спросить хоть по телефону в Л. Волости²¹.

Я надеялся на хороший ответ оттуда.

— Да-да, это мы и без Вашего совета уже сделали. Знаем Вас. На этот раз я Вас отпущу, но советую оставить свои глупости и не показываться с ними к нам, иначе... — далее этот сударь перешел на более мягкий тон и начал уговаривать меня относительно работы с ними, доброго отношения, объяснял мне, что такое «советская власть». От этого объяснения не раз хотелось искренне рассмеяться, такая наивность была в мыслях и словах. Мне думалось, что он как-то по ошибке попал за этот стол, в эту комнату, что, на самом деле, это лучший «экземпляр» буржуазного строя, со всеми его негативными чертами. Каким образом этот сударь попал в «социалисты»?

Я не считал нужным вступать с ним в какие-либо разговоры, и когда он закончил свое «нравоучение», я начал настаивать, чтобы меня отпустили. Сударю «социалисту», вероятно, не понравилось мое равнодушие к его «красной» речи, и он снова перешел на свой обычный тон.

— Мы выйдем из ваших голов всякие там «Рады». Хватит уже ваших генералов, — кричал он, но в конце концов все же отпустил.

По правде говоря, я очень обрадовался такому, собственному, неожиданному для меня концу и сразу же направился на вокзал, чтобы быстрее уехать. Но неожиданности дня не закончились.

На вокзале было много людей самого разного характера. Больше всего было солдат в серых шинелях. Кое-где происходили «акты» срезывания погон у тех, кто еще не успел или

²¹ Вероятнее всего, речь идет о Лысянской волости Острогожского уезда, поскольку в ее состав входила сл. Пуховая, где родился Аркадий Животко и где он занимался политической деятельностью до своего отъезда из Воронежской губ. в 1918 г. О принадлежности сл. Пуховой к Лысянской волости См.: РГИА Ф. 592 Оп. 7 Д. 1328 *Государственный крестьянский поземельный банк. Дела по выдаче ссуд. Воронежская губерния. Острогожский уезд. О ссуде товариществу крестьян на покупку земли. 8 мая 1901 г.* — Примеч. ред.

не подумал об этом сам. Эти «акты» происходили под аккомпанемент смеха и грязной московской брани. Было здесь на вокзале также много и таких, которых привлек запах спирта из разбитого винного склада. В разных местах можно было видеть маленькие пирушки. Были пьяные и подвыпившие. Попадались женщины с мешками, наполненными бутылками с водкой. Поезда, на котором я мог бы уехать, еще не было.

Я притулился у одного из столов. Хорошо замерзнув и наголодавшись в «гостях» у Р. комиссара, теперь, хоть и в душной, но по крайней мере теплой атмосфере, поужинав и склонив голову на руки, я задремал.

Не знаю, сколько времени прошло. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то толкает. Подняв голову, я увидел возле себя трех вооруженных солдат. Сначала я ничего не мог понять, в чем дело. Наконец понял. Пришли за мной, потому что приказано отвести меня к коменданту. Почувствовал неладное. К тому же, я увидел рядом с собой вчерашнего попутчика с вокзала. Встретились глазами. Он сразу же повернулся и куда-то исчез. Пришлось идти. Комендант, вооруженный, как говорят, до зубов, перепоясанный для чего-то лентами с патронами, встретил меня пронзительным взглядом.

— Поставьте ближе эту хохлацкую сволочь! — бросил он в сторону моих охранников хорошей московской речью.

Меня подвели к столу, на котором среди бумаг валялись недоеденные куски хлеба и колбасы. В комнате было много каких-то людей. Кто именно там был, хорошо не помню, кроме двух молодых парней в серых шинелях, также арестованных, как я узнал из допроса, за какой-то шпионаж на Донецком фронте.

— Как имя? — обратился ко мне комендант, приготовившись записывать.

— А. Животко, — коротко ответил я.

— Животков? — подняв голову, с нажимом переспросил он.

— Нет, Животко, — также с нажимом ответил я.

— Бросьте свои выходки. Вам же лучше будет, — продолжил комендант.

— Я отвечаю на Ваш вопрос, — говорю ему.

— Прошу отвечать мне на «русском языке».

— Я не умею.

— Тогда мы Вас сегодня научим, если не научились в университете, — злобно посмотрел он на меня.

— Я в университете не учился, — отвечаю, и мне становится как-то противно смотреть, как начинает раздражаться этот новый «охранник».

— Знаем Вас, поповское отродье! Вы состоите членом Центральной Рады?

— Да, я член Центральной Рады.

— К какой партии принадлежите?

— Я украинский соц.-революционер, — отвечаю.

— Вы хохлацкий бандит, а не соц.-революционер, — уже бросив свои бумажки, обрушился он на меня, — какой Вы социалист?!

— Я член партии, которая ставит своей задачей достижение социалистического строя и улучшение судьбы украинского крестьянства, — уже нервничая, отвечаю я и чувствую, что начинаю все больше волноваться и нервничать.

— Вы были комиссаром по украинским делам?

— Да, несколько дней был таким, но потом отказался.

— Почему Вы отказались?

— Потому что увидел, что наши задачи и интересы разные, и что меня могут использовать перед нашим крестьянством в тех направлениях, с которыми я согласиться не могу.

— О каких направлениях вы говорите?

— Я говорю о ложной и враждебной информации о Центральной Раде, а также о враждебности в сущности всех москвичей к украинскому возрождению.

Мне хотелось как можно быстрее отвечать. Хотелось остро ударить этим отвратительного нового «охранника» старого типа, который так напомнил мне давние времена петербургской охраны и убитого теперь знаменитого охранника фон Котена, который когда-то так убеждал меня в том, что революционные идеи — это выдумки евреев, и что служить и помогать «Охранному отделению» — значит служить роду.

В то время и охранник фон Котен, и жандарм Вишневский получили мой ответ. Теперь настало время дать ответ новому «охраннику», новому жандарму «рабочей, социалистической» власти. Было противно.

— Что Вы делали в Р.? — продолжил комендант.

— Собственно ничего, кроме того, что целый день промерз под арестом, — ответил ему.

— Я Вас не об этом спрашиваю. Прошу отвечать более серьезно. Зачем Вы приехали в Р.? — раздраженно воскликнул он.

— Мне нужно было кое-что купить для себя.

— Это ложь. Нам известно, зачем Вы приехали. Мне приказано Вас задержать и поступить с Вами, как с врагом советской власти.

Последние слова ударили меня ужасом, и целый рой тревожных мыслей закружился в голове. Дело принимало более серьезные формы, чем я думал.

— Отведите в сторону, — кивнул он на меня охранникам.

Я отошел, а мое место занял сударь, который утром на площади подтвердил, что я «тот самый».

— Вы знаете этого человека? — спросил комендант, указывая на меня.

— Так точно, знаем.

— Что Вы можете рассказать?

— Да то, что он очень часто в городе кричал, что нужно бить всех большевиков, потому что большевики против народа идут, а они за народ значит.

— Кто они?

— Да те же генералы, что в Киеве, что в этой самой Центральной Раде. А этот все про какую-то Украину кричал. А я ему еще тогда сказал, что мы тебе покажем эту Украину.

— А что он делал здесь, в Р.?

— Они тут какой-то переворот...

— Кто они?

— Да эти самые украинцы. И тут эта шваль завелась.

— Ты откуда все это знаешь?

— Да я, ваше благородие, уже сколько дней за ним слежу.

— Хорошо. Молодец. Теперь можешь идти.

Когда новый шпик исчез, комендант, как кот, подполз ко мне и процедил сквозь зубы: — У-у, сволочь...!

Далее, допросив, кажется, уже наспех, еще кого-то из арестованных, он подал мне подписать протокол моего допроса.

Я отказался. Этот отказ разозлил коменданта, и он, подойдя ко мне с бумагой, попытался заставить подписать, но когда я во второй раз отказался, ударил кулаком по голове. Затем, подойдя к какому-то военному, начал что-то говорить. Результатом разговора был приказ куда-то нас отвести. Куда? Думал, что где-нибудь снова запрут. Вывели на перрон. Нас было трое, а охранников четверо. Как сейчас помню, была ясная, лунная, морозная ночь. Я попытался вежливо спросить ближайшего ко мне солдата, куда нас приказано отвести, но получил грубый ответ: «Туда, куда надо!» — Думал, что нас повезут под конвоем в Острогожск, но когда повели через

пути, кровь ударила в виски. Нервная дрожь пробежала по телу.

Я не знал, куда нас ведут, но путь, по которому вели, вызывал самые ужасные догадки.

Ни разу в жизни не чувствовал такой решимости.

На путях стояло несколько товарных поездов. Нужно было их обходить.

Видимо, лентяй, наши конвоиры повели нас под вагонами. Как сейчас помню этот момент. Когда я оказался под вторым вагоном, рядом со мной был лишь один охранник, остальные уже вылезали по другую сторону поезда. Словно электрическим током меня толкнуло назад, и через момент я оказался позади поезда, бежав что было сил вдоль вагонов... Перепрыгнул через тормоз второго поезда. Бежал дальше. Слышал крики охранников, ругань, несколько выстрелов из ружья. Слышал все это, но мысль работала, быстро ориентируясь в местности. Оказавшись уже за вокзалом, я увидел яму для мусора. Вскочил в эту яму и притих. Еще слышал какую-то беготню, ругань, а потом все стихло.

Долго ли сидел в той яме, не знаю.

Весь сильно дрожал. Потом, тихо осмотревшись вокруг, вылез и бегом подался за вокзал, между каких-то насыпей или просто небольших холмиков, время от времени прячась за ними и выжидая. Но вокруг уже было тихо, лишь со стороны села в морозном воздухе иногда слышались пьяные возгласы. Хотя было очень холодно, я был весь мокрый от пота. Очень, очень хотелось смеяться, и идя дальше, я уже не мог сдерживать нервный смех, который бил в моей груди. Я был на свободе. Я чувствовал ее всем своим существом. Ужас где-то позади, а я — на свободе. «Свобода, какая же ты волшебная, какая ты привлекательная!» — билось сердце.

Через три дня я уже был в Харькове в окружении своих товарищей.

С тех пор я уже не видел своей родины, но еще сильнее полюбил свободу. Это было в январе 1918 г.

Животко, А. (1923). З мого щоденника. Вільна спілка: Неперіодичний орган літератури, науки та громадського життя, Ч. 2, 14–22.

II. Аркадій Животко. «З мого щоденника»: оригінальний текст українською мовою

ДУВ СІЧЕНЬ 1918 РОКУ. ПАМ'ЯТНИЙ СІЧЕНЬ. На Вороніжчині тільки що заступила совітська влада. Просвітній гурток української молоді села Р. Острогожського повіту викликав мене прочитати доклад на Шевченківському вечері. Я тільки що в той день повернувся до дому з подорожі по повіту. Отримавши телеграму, мусів виїхати через кілька годин, щоб завчасу побачитися з гуртянами та орієнтуватися в тому селі, в тих вже непевних у той час настроях, що почали подекуди набирати конкретних виступів проти українського руху. Сказав про від'їзд моїм, старим фізично, але молодим в ті дні духом та вірою й любов'ю до відродження України, батькам.

Немов передчуття чогось недоброго огорнуло всіх нас в той день.

Відчувалась якась настороженість.

Промайнув смуток.

По обіді прийшли до мене гуртяне нашого села — члени Ради місцевої «Просвіти» та комітету Селоспілки — Павло, Ілько та Свирид.

Балакали, обмінювалися вражіннями від останнього селянського з'їзду, що кілька днів як закінчився й на якому так блискуче провалилися представники большевиків та совітської влади на Острогожщині, на чолі з досить брудною та непевною людиною — Рижковим. Пригадувалися їх виступи та картина коли вони мусіли покинути з'їзд.

Радилися про поширення просвітянської праці, про відкриття таких просвітянських гуртків в тих ближчих селах, де їх ще не було, про винаймлення більшого помешкання для читальні-бібліотеки, про поширення кооператива і т. д. Щодалі я більш відчував і бачив з тих інформацій, які мав від своїх товаришів, що просвітня праця та інтерес до неї захоплювали все більші кола селянства. Здавалося сили зростали.

Торкнувшись моєї подорожі до Р., пам'ятаю, — Павло зауважив мені свої побоювання в зв'язку з останніми виступами моїми, як в Острогожську, так і в деяких сусідніх селах... Не радив їхати. Той недобрий настрій передався всім присутнім.

Але ж там чекали мене мої приятелі по праці, мої товариші. Я мусів їхати. Я вірив і сподівався, що через день,

через два я зможу повернутися знову до дому, й тоді вже більше часу віддати праці у своєму селі. На тому зрештою й вирішили.

Коли ж прощався з товаришами селянами, то якось несвідомо у мене вирвалося прохання, що, як би що й трапилося недоброго, то щоб пам'ятали свого друга (так весь час вони мене звали), а також, щоб не забували у дні смутку моїх старих батьків — відвідували їх²².

Попрощались.

Перед від'їздом вже, в наслідок розмов того вечора, я залишив лист до всіх односельчан, що був написаний мною ще до селянського з'їзду, але в поширенню якого тоді не було потреби, бо я був на з'їзді особисто. В тому листі я старався докладно вияснити той бруд, тую брехню та демагогію, якими вже нахабно почали оперувати так звані провідники долі нашого селянина та робітника. В тому листі я докладно спинився на характеристиці українського руху взагалі й на Вороніжчині зокрема, на тернистому шляху того руху, спинився на значінню для нас Центральної Ради та на її завданнях, а також з кого й як вона складається, далі схарактеризував таких осіб, як М. С. Грушевський, В. К. Винниченко, та інших видатних членів нашого парламенту й Уряду²³.

На двірці проводив мене батько й, як завжди, прощаючись поблагословив, прохаючи не затримуватись довго та хоч на кілька днів приїхати до дому.

— Бо зараз же свята (то були Різдвяні свята), — додав він, коли я вже влізав до товарового вагону, повного ріжним людом.

То було останнє побачення й останнє прощання моє з моїми батьками; з тими, хто вивчив мене любити те, що дороге для мене й до сьогодні.

В селі Р. мене вразив той п'яний хаос, що там панував, і який я відчув ще на двірці.

²² В початку р. 1919 вже у Кам'янці на Поділлі випадково залетів до мене дорогий лист від батьків. То була вже остання звісточка. З листа довідався, що мої друзі й товариші селяне цілою громадою дійсно не забували моїх старих батьків, у всьому стараючись охоронити та допомогти їм в час смутку. Таке сердечне й чутливе відношення було не тільки збоку односельчан, але й від сусідніх сел, що викликало в душі батька, який писав мені, почуття глибокої подяки до них і віру в ліпше майбутнє, яку він, старий, передавав і мені. — А. Ж.

²³ Згодом вже також у Кам'янці я випадково бачився з одним втікачем, який між іншим оповідав мені про те, що той лист довго кружляв по селах моєї волости. — А. Ж.

Був уже вечір. Я наняв візника, останнього, який ще лишився. Підійшов якийсь добродій і, чомусь намагаючись балакати по українськи, попросив його підвезти. Я, правду кажучи, хотів уникнути того, але він, не чекаючи моєї відповіді вже мостився біля мене, кажучи візникові їхати. Що ж робити? Мусів погодитися. По дорозі мій сусіда дуже цікавився життям нашого міста, намагався розпитувати; запитував, в яких справах я приїхав до Р. і т. д. У мене ж жадного бажання розмовляти не було, і я або просто мовчав, вдаючи, що не чую, бо втомлений, або відповідав коротенько. Не подобався він мені. Щось занадто розв'язне й настирливе було в його поводженні. А тут ще мова. Я ж вперше бачив його. Чому він так намагався з першого ж слова балакати по українськи, що виходило так якось недобре.

Так в'їхали до села. Я візникові сказав спинитися на одній з вулиць біля торгу, й пішов уже пішки, не звертаючи уваги на «товариша» по подорожі.

В селі ще продовжувалася п'яна вакханалія дня від розгромленого винного складу. Було ще не дуже пізно, й я вирішив зараз же відвідати своїх друзів. Зайшовши до одної з гуртянок, я довідався, що мене чекають, і що дехто вже посходився.

Ми пішли разом до гурту.

Невеселий настрій я застав серед гуртян молоді. З обміркування становища виявилось, що коли й взавтра буде те ж саме, що сьогодні, а воно певно буде так, по всіх ознаках, то призначений вечір відбутися безперечно не може. Дехто ще сперечався й доказував, що влаштування таких вечорів, вистав, може прислужитися до відтягнення уваги від винного складу, але то були лише поодинокі й цілком не переконуючі доводи.

Погодилися вечір відмінити, а використати день для організаційних справ гуртка. Окрім того, я сподівався в цей день ще зробити нараду де з ким з місцевих селян, близьких мені, з якими я весь час мав зв'язок.

На тому й розійшлись, умовившись, повідомити тих, кого не було в цей вечір, зібратися на другий день після обіду, з тим розрахунком, щоб у вечері я зміг виїхати.

Вже близько півночі я пішов до т. зв. готелю, в якому звичайно спинявся, коли приїздив до Р. і в якому було дві маленьких кімнатки (два «номера», як казала, пишаючись хазяйка).

Утомлений за останні дні, не спавши в попередню ніч, бо був у дорозі, я зараз же ліг і міцно заснув.

Прокинувся ранком від тривожного стуку у двері й від розмови за ними. Впізнав голос хазяйки й дівчини гуртянки, до якої я вчора заходив. Впустивши до кімнати дівчину, яка була страшенно стрівожена й хвилювалася, я довідався, що на протязі вже якогось часу сьогодні різні особи непевного вигляду (думали, що то їх зі сторони притягнув спиртний дух) розпитують про мене й погрожують. Питали оце й у її родичів та у неї. Порадившись де з ким зі своїх, вона прибігла попередити мене та сказати, що не варто збиратися сьогодні, як вирішили. Я цілком погодився.

— А Вам, — додала вона, — ліпше не виходити до вчора звідці. Так всі кажуть. Я буду якось інформувати Вас про все, а увечері можна буде непомітно пройти.

Оттаке! Добровільний арешт, значить. Добре діло! Ні, коли вже так, то ліпше зараз же якось виберусь на двірць, а по дорозі може ще й відвідаю кого. Мав справи й хотілося перебалакати де з ким з членів повітової Селянської Ради, які в той день були дома. Так і сказав їй. Передавши деякі міркування до гуртка молоді й попрощавшись з товаришкою, про яку ще й тепер сердечно й тепло згадую, я вийшов з «готелю». Переходячи через площу, раптом опинився серед якихось двох добродіїв. Один із них, вказуючи на мене, запитав когось з гурту, що стояв осторонь.

— Єта он?

З гурту висунувся один в кожусі й усміхаючись, кивнув головою. Я глянув на те обличчя: знайоме, але зразу не міг пригадати, де ми зустрічались. Пригадав вже пізніше. Пригадав, як той дядько кілька часу тому в салдатській шинелі в Острогожську погрожував мені кулаками та верещав: «Ми тобі покажемо Центральную Раду! Всякіє там буржуї видумали какують Україну й він туди ж!» Добродій, який запитав, взяв мене за руку й потягнув. Я запротестував, звільняючи руку.

— Не разгаваривай! — але руку випустив. Я запитав, що то означає. Більш лагідно відповів на це другий.

— Наказано перевірити Ваші документи.

Мене привели до комісара, як називали його мої «охоронителі». Маленька кімнатка. За столом така ж дрібненька, непомітна фігура того комісара. На столі револьвер.

— Для чого? — промайнуло у мене в голові.

— Єто хто? — запитала зза столу фігура.

— Арештували на базарі, — відповів перший.

— Покажіть Ваші документи, — звернувся комісар вже до мене. Дістаю єдиний документ, що був при мені (окрім посвідок українських та членського квитка Ц. Р.) — «Удосто-

вереніє П.-Н. Інституту», адресоване на представлення військового начальнику з початку 1917 р. Показую. Довгенько крутить та оглядає цей документ. Найбільшу увагу його звертала печатка — старорежимна.

— Що це Ви мені показуєте? Який то документ? Я питаю Вас, наш документ маєте? — вскипіла фігурка за столом.

— Ні, не маю.

— Не маю, — перекривив.

— А як слід говорити не можете?²⁴

— Я відповідаю так, як можу.

— Не брешіть! А по якому ж Вас учили?

— Я відповідаю Вам так, як я вмію, — повторюю.

— От ми з Вами побалакаємо по іншому. Зразу вивчитесь. Вискочить хахлацька дурь. Відведіть поки що його! — звернувся він з останніми словами до першого «блюстителя пролетарського порядку».

Опинився в якомусь «хліві». Холод жахливий. Бруд. Підлоги нема. Сісти нема на чому. Одно віконце маленьке без шиб. Двері замкнули на колодку, й хтось ще став біля них, певно якийсь вартовий.

Оглядаючи свій новий «номер», думав, чи не варто б покинути його якимсь способом, але, поміркувавши, вирішив, що властиво може все це від якогось непорозуміння, й мене випустять, а спроба втекти може пошкодити. Ліпше вичекати. Не вперше. А може й не востаннє. Треба загартовувати себе. Такі думки снувалися в голові. Було дуже зимно. Щоб хоч трошечки зогрітися, я ходив з кутка в куток, робив різного роду гімнастичні вправи й навіть починав танцювати. Підчас використання такого «вільного» часу двері відчинилися й до «хліву» ввели якогось чоловіка. Він здавався добре випившим. Зразу ж почав мені нарікати на «порядки», лаяти їх, і нарешті перейшов до «критики» нової влади. Я тримався насторожено. Головне, що від цього п'яньенького не чути було специфічного алкогольного духу. Тай мова видавалася підозріливо-українською. Я цілком занявся зогріванням себе. Від холоду починало страшенно ломити ноги... Було зимно, боляче. Мені байдуже було базікання мого «товариша» і я майже не підтримував його заходів до розмови. Через якийсь час, двері знову відчинилися й його кудись забрали. Аж над вечір прийшли по мене. Привели знову до тієї ж кімнатки комісара.

²⁴ Цей добродій весь час балакав дуже поганою мішаниною української й московської мов, намагаючись як-найліпше говорити по московськи, що іноді доводило просто до курйозів. — А. Ж.

— Ну, г-н Українець, як Ви провели час? — зустріла мене фігурка за столом. Мовчу.

— Що ж, буде сьогодні вечір, того, як його, вашого Шевченки? Ви ж приїхали сюди свої теревені розпускати?

Мовчу.

— З Вами балакають, прошу відповідати! — роздратовано вигукнув комісар.

— Я приїхав по власних справах.

— Які ж то Ваші власні справи? — всміхаючись уїдливо запитав.

— Хотів купити собі дещо для одіжі. Але коли вийшов до торгу, то там мене було заарештовано, певно по непорозумінню. Що ж до того, хто я, то ви можете запитати хоч по телефону в Л. Волости.

Я сподівався на добру відповідь звідти.

— Так, так, це ми й без Вашої поради вже зробили. Знаємо Вас. Цей раз я Вас відпущу, але ражу покинути Ваші дурощі й не показуватися з ними до нас, інакше... — далі цей добродій перейшов на більш лагідний тон й почав намовляти мене щодо праці з ними, до доброго відношення, виясняв мені, що таке «совітська влада». Від того вияснення нераз хотілося щиро розсміятися, така наївність була в думках і в словах. Мені думалося, що він якось помилково попав за цей стіл, в цю кімнату, що властиво це ж найліпший «екземпляр» буржуазного ладу, зо всіма його негативними рисами. Яким чином цей добродій попав у «соціалісти»?

Я не вважав потрібним вступати з ним в будь які розмови й коли він закінчив своє «нравоученіє», я почав настоювати, щоб мене було відпущено. Добродієві «соціалістові» певно не вподобалася така моя байдужість до його «красної» промови й він знову перейшов на свій властивий тон.

— Ми виб'ємо з ваших голів всякі там «Ради». Досить вже ваших генералів, — кричав він, але зрештою таки відпустив.

Правду кажучи, я дуже зрадів такому, властиво, несподіваному для мене кінцю, й негайно ж подався до двірця, щоб швидше виїхати. Але несподіванки дня не закінчилися.

На двірці була сила людей самого різного характеру. Найбільш було салдатів у сірих шинелях. Подекуди відбувалися «акти» зрізування погонів у тих, хто ще не встиг, або не подумав над тим сам. «Акти» ці відбувалися під акомпанімент сміху й брудної московської лайки. Було тут на двірці також багато й таких, яких притягнув горільчаний дух розбитого винного складу. В різних місцях можна було бачити

маленькі бенкети. Були п'яні і й підвипивші. Траплялися жінки з мішками, наповненими пляшками з горілкою. Потягу, з яким я міг би виїхати, ще не було.

Я притулювся біля одного із столів. Добре намерзшись та наголодувавшись у «гостях» Р. комісара, тепер хоч і в задушливій, але принаймні теплій атмосфері, повечерявши, схиливши голову на руки, я задрімав.

Не знаю, чи довго то було. Раптом я почув, що хтось мене штовхає. Підвівши голову, я побачив коло себе трьох озброєних салдатів. Зразу нічого не міг розібрати, в чому річ. Нарешті зрозумів. Прийшли по мене, бо наказано мене відвести до коменданта. Недобре відчув. До того ж я побачив побіч мене вчорашнього попутчика з двірця. Зустрілися очима. Він зразу ж повернувся й кудись зник. Мусів іти. Комендант, озброєний, як кажуть, до зубів, перехрещений для чогось лентами з набоями, зустрів мене пронизливим поглядом.

— Поставте ближче цю хохлацьку сволоч! — кинув він до моєї варти доброю московською мовою.

Мене підвели до столу, на якому валялися поміж перами, недоїдки хліба, ковбаси. В кімнаті було багато якихось людей. Хто саме там був, добре не пам'ятаю, окрім двох молодих хлопців у сірих шинелях, також заарештованих, як я довідався з допиту, за шпигунство якесь на Донецькому фронті.

— Як ім'я? — звернувся до мене комендант, приготувавшись записувати.

— А. Животко, — коротко відповів я.

— Животков? — підвівши голову, з притиском перепитав.

— Ні, Животко, — також, з притиском відповів я.

— Киньте Ви свої виходки. Вам же ліпше буде, — продовжував комендант.

— Я відповідаю на Ваше запитання, — кажу йому.

— Прошу мені відповідати «русским язиком».

— Я не вмію.

— То ми Вас сьогодні навчимо, як що не навчилися в університеті, — злісно глянув на мене.

— Я в університеті не вчився, — відповідаю й мені робиться якось гидко дивиться, як починає цей новий «охранник» дратуватися.

— Знаємо Вас, попівське отродьє! Ви состоїте членом Центральної Ради?

— Так, я член Центральної Ради.

— До якої партії належите?

— Я український соц.-революціонер, — відповідаю.

— Ви хохлацький бандит, а не соц.-революціонер, — вже покинувши свої папірці, визвірився на мене він, — який Ви соціаліст?!

— Я член партії, яка ставить своїм завданням здобуття соціалістичного ладу й поліпшення долі українського селянства, — вже нервуючись відповідаю й почуваю, що починаю все більш хвилюватися й нервуватися.

— Ви були комісаром по українських справах?

— Так, кілька днів був таким, але потім зрікся.

— Чому Ви зріклися?

— Тому, що побачив, що наші завдання й інтереси ріжні, й що мене можуть лише використовувати перед нашим селянством в тих напрямках, з якими я погодитися не можу.

— Про які то напрямки Ви кажете?

— Я кажу про ті неправдиві та ворожі інформації про Центральну Раду, а також про ворожість в суті всіх Московців до українського відродження.

Мені хотілося, яко мога скоріше відповідати. Хотілось гостро вдарити цим того огидного нового «охранника» — старого типу, який так нагадав мені давні часи петербурзької охранки та забитого тепер знаменитого охранника фон-Котена, який колись так переконував мене в тому, що революційні думки, то є вигадки Жидів, та що служити й допомагати «Охранному Отделенію», то значить служити народові.

В той час і охранник фон-Котен, і жандарм Вишневський мали мою відповідь. Тепер настав час дати відповідь новому «охранникові», новому жандармові «рабочей, соціалістической» влади. Було гидко.

— Що Ви робили в Р.? — провадив далі комендант.

— Властиво нічого, окрім того, що цілий день промерз під арештом, — відповів йому.

— Я Вас не про те питаю. Прошу відповідати більш серйозно. Чого Ви приїхали до Р.? — дратуючись вигукнув.

— Мені треба було дещо купити для себе.

— Це брехня. Нам відомо, для чого Ви приїхали. Мені наказано Вас затримати й поступити з Вами, як з ворогом совітської влади.

Останні слова мене вдарили жахом, і цілий рій стурбованих думок закрутився в голові. Справа набірала більш серйозних форм, аніж я думав.

— Відведіть на бік, — кивнув на мене до вартових.

Я відійшов, а моє місце зайняв добродій, який ранком на площі підтверджував, що я є «той самий».

— Ви знаєте цю людину? — запитав комендант, вказуючи на мене.

— Так тошно. Знаєм.

— Що Ви можете розказати?

— Так што очінь часто у городі чув, кав вон кричал, што нужно всіх большевіков бить, тому што большевики проти народу ідуть, а вони за народ значить.

— Хто вони?

— Та ті ж генерали, што у Києві, што в етой самой Центральной Раді. А етот всьо про какуюсь Україну кричал. А я йому ще тогда сказав, што ми тібе покажем ету Україну.

— А що він робив тут, у Р...

— Вони тут какойсь переворот...

— Хто вони?

— А еті саміє што Українці. І тут ета шваль завілась.

— Ти звідки ж все це знаєш?

— А я, Ваше благородіє, уже сколько дньов за ним пасу.

— Добре. Молодець. Тепер можеш іти.

Коли новітній шпик зник, комендант, мов кіт, підповз до мене й процідив крізь зуби: — У-у, сволоч...!

Далі, допитавши, здається вже наспіх, ще когось з арештованих, подав мені підписати протокол мого допиту.

Я відмовився. Ця відмова обурила коменданта й він, підійшовши до мене з папером, намагався примусити підписати, але коли я вдруге відмовився, вдарив кулаком по голові. Потім, підійшовши до якогось військового, почав щось балакати. Наслідком балачки був наказ нас кудись відвести. Куди? Гадав, що кудись знову замкнути. Вивели на перон. Нас було трьох, а вартових чотирі. Як зараз пам'ятаю, була ясна, місячна, морозна ніч. Я спробував лагідно запитати ближчого до мене салдата про те, куди нас наказано відвести, але отримав грубу відповідь: «Туди, куди треба!» — Думав, що нас повезуть під конвоем до Острогжська, але коли повели через тори, то кров ударила в виски. Нервові тремтіння пробігло по тілу.

Я не знав, куди нас ведуть, але шлях, яким вели, збужував самі жахливі догадки.

Ще ні разу в житті не відчував такої рішучості.

На торах стояло кілька товарових потягів. Треба було їх обходити.

Певно лінуючись, наші конвоїри повели нас під вагони. Як зараз пам'ятаю цей мент. Коли я опинився під другим вже вагоном, біля мене був лише один вартовий, решта вже вилазили по другий бік потягу. Немов електричним током мене штовхнуло назад, і через мент я опинився позаду по-

тягу, біжучи що було сили повз вагонів... Перескочив через тормаз другого потягу. Біг далі. Чув крики вартових, лайку, кілька вибухів з рушниць. Чув усе те, але думка працювала, швидко орієнтуючись в місцевості. Опинившись вже за двірцем, я побачив яму для сміття. Вскочив до тієї ями й притих. Ще чув якусь біганину, лайку, а потім все стихло.

Чи довго сидів у тій ямі, не знаю.

Весь тремтів дуже. Потім, тихо оглянувши навколо, виліз і бігом подався поза двірцем, поміж якихось чи то насипів, чи просто невеличких горбиків, час від часу ховаючись за ними й вичікуючи. Але навколо вже було тихо, лише з боку села, в морозному повітрі іноді чулися п'яні вигуки. Хоч було дуже зимно, але я був увесь мокрий від поту. Хотілося сміятися дуже, дуже, і йдучи далі, я вже не міг затримувати той нервовий сміх, що бив мої груди. Я був на волі. Я відчував її всим єством. Жах десь позаду, а я — на волі. «Воле, яка ж ти чарівна, яка ти принадна!» — билося серце.

Через три дні я вже був у Харкові в оточенні своїх товаришів.

З того часу вже не бачив своєї батьківщини, але ще дуже че полюбив волю. То було в січні 1918 р.

Животко, А. (1923). З мого щоденника. Вільна спілка: Неперіодичний орган літератури, науки та громадського життя, Ч. 2, 14–22.

